

УДК 343.1

DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-2-54-63

«Суд Отчизны»

А. В. Смирнов

*Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Рассматриваются проблемные вопросы формирования и развития института суда присяжных. Освещается вопрос о содержании и роли различных концептуальных подходов: является ли суд присяжных «судом Отчизны», или он существует, пока государство видит в его существовании свой интерес. Автор формулирует свою позицию относительно данных подходов и их отражении в законодательстве. Также рассматриваются конституционно-правовые аспекты заявленной темы. В частности, ставится и изучается вопрос о том, каково конституционно-правовое содержание права на суд присяжных и не может ли оно практически быть сведено к нулю посредством отраслевого правотворчества. Исследуется вопрос о компетенции суда присяжных – о категориях уголовных дел, рассмотрение которых необходимо осуществлять с участием суда присяжных (против государственной власти, об экономических преступлениях и др.). Рассматриваются проблемные вопросы формирования суда присяжных и намечаются возможные пути их решения.

Ключевые слова

уголовный процесс, суд присяжных, концептуальные основы, конституция, отраслевое правотворчество, компетенция, формирование суда присяжных

Для цитирования

Смирнов А. В. «Суд Отчизны» // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17, № 2. С. 54–63. DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-2-54-63

“The Court of the Fatherland”

A. V. Smirnov

*North-Western Branch of the Russian State University of Justice
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the problematic issues of the formation and development of the institution of trial by jury. Illuminated the question of the content and role of various conceptual approaches: is a jury a “court of the fatherland” or does it exist as long as the state sees its own interest in its existence. The author formulates his position on these approaches and their reflection in the legislation. The article also discusses the constitutional and legal aspects of the stated topic. In particular, the question of what is the constitutional and legal content of the right to trial by jury, and whether it can practically be reduced to zero by means of sectoral law-making, is raised and studied. The article examines the question of the competence of the jury-the categories of criminal cases that need to be considered. The article considers the problematic issues of the formation of a jury court and outlines possible ways to solve them.

Keywords

criminal procedure, jury trial, conceptual framework, constitution, branch law-making, competence, formation of jury trial

For citation

Smirnov A. V. “The Court of the Fatherland”. *Juridical Science and Practice*, 2021, vol. 17, no. 2, p. 54–63. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-2-54-63

© А. В. Смирнов, 2021

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17, № 2
Juridical Science and Practice, 2021, vol. 17, no. 2

Однажды я прочитал, что в ходе одного социологического опроса в США простого рабочего спросили о том, как он относится к институту президентства и надо ли его сохранять. Тот якобы ответил, что до этого ему мало дела, лишь бы не трогали суд присяжных. Я думаю, что, хотя достоверность подобной истории может вызывать сомнения, она вполне могла случиться, и такой ответ человека, отражающий обыденное отношение к власти, задевает некие важные интимные области взаимоотношений личности и государства.

Поэтому прежде, чем рассуждать о том, какую *юридическую* роль выполняет суд присяжных, зададимся вопросом, почему *политический* стиль судебных отношений личности и государства носит в современном мире явно недоброжелательный и даже комбатантный характер? Почему между ними поощряется законом «маленькая война», в которой государство «охотник», а обвиняемый – «дичь»? И почему профессиональный обвинитель, как ловкий тореадор, унижен и оскорблен, если травимый зверь уцелел? Если государство действительно находится в гармонии с обществом и ставит своей первейшей задачей, как это записано в современных конституциях, обеспечение прав и интересов личности, то зачем же ему вооружать против себя своих же собственных граждан целым арсеналом возможностей и прав? Зачем, например, нужно отдавать вопрос о виновности на откуп «людям с улицы», непрофессионалам, которые, к тому же, не должны ничего заранее знать о том деле, которое им же предстоит разрешить? И может прав был Марк Твен, когда писал: «Безупречное правосудие способны творить одни невежды?» [1]. Но... жизнь полна парадоксов, и такая намеренная «профанация» судопроизводства, как ни странно, есть не что иное, как политическая мудрость. Глядя на суд присяжных, задумываешься, что гражданское общество просто опасается государства, не рискуя доверить ему свою судьбу, и потому рассматривает состязательный уголовный процесс и его апофеоз – суд присяжных – как гарантию защиты своих прав против бюрократического произвола. В самом деле, этот упрямо не желающий исчезать древний судебный артефакт есть экстраординарный элемент системы сдержек и противовесов современного политического устройства при демократии.

Там, где конституционализм еще недостаточно силен, то есть там, где не завершено разделение властей, а права граждан часто нарушаются, где развивающееся гражданское общество и личность находятся в противоречии с государством, состязательный процесс есть обязательное условие защиты гражданской и политической свободы.

Одним из примеров может служить современная Россия. Факты, как известно, – вещь упрямая: россияне пока что мало доверяют своему государству. Социологический опрос, недавно проведенный «Левада-центром», показал, что не доверяют или не вполне доверяют Государственной Думе – 72 %, правительству страны – 68 %, местным властям – 63 %, полиции – 62 %, судам – 58 % граждан¹. По данным ВЦИОМ прокуратуре доверяют только 48 %, МВД – 21 %, судам – 14 %, ФСБ – 11 %, Следственному комитету – 9 %. В целом властям доверяют лишь 34 % россиян². Для сравнения: в среднем доверие к правительству в мире составляет 47 %.

Конечно, прямо выводить из этих цифр неизбежность суда присяжных было бы неверным, поскольку более важную опосредующую роль могут играть здесь различные исторические традиции, экономические и политические факторы. При этом Россия не является исключением в части оценок, которые граждане дают работе правительства, и их связи с судом присяжных. Факт остается фактом: из 16 государств, в которых, согласно исследованиям Edelman trust barometer, в 2019 г. уровень доверия к правительству был наиболее низким, 14 (88 %) придерживаются состязательной системы судопроизводства (Южная Африка, Испания, Бразилия, Аргентина, Франция, Мексика, Россия, Колумбия, Ирландия, США, Австралия, Великобритания, Италия), а 13 (81 %) имеют в том или ином виде суд присяжных³.

¹ Институциональное доверие. Левада-Центр: аналитический центр Юрия Левады. URL: <http://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4>.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 30 ноября 2009 г. № 48. Ст. 5867.

³ University of Minnesota. Human Rights Library. URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/undocs/819-1998.html>.

В то же время среди 6 государств (Китай, ОАЭ, Индонезия, Индия, Сингапур, Малайзия), которые демонстрируют наивысший уровень доверия граждан к властям, состязательный процесс *de facto* есть лишь в трех (Индия, Малайзия, Сингапур), а суда присяжных нет ни в одной, причем в Сингапуре, Индии, Малайзии он существовал, но потом был упразднен⁴.

Если граждане имеют возможность или традицию вполне полагаться на государство, полностью ему доверяют, в частности потому, что эффективно работают системы сдержек и противовесов, гармонизирующие культурные и цивилизационные факторы, а потому высоко развиты правосознание правоприменительных органов и бытовая культура граждан, нужда в состязательном процессе, а значит и в суде присяжных, будет значительно меньше. Примером тому могут служить Германия, Австрия, Скандинавия, Швейцария, Нидерланды, а также страны с традиционной конфуцианской или буддистской идеологией «небесной гармонии» (Китай, Япония и т. п.). Не секрет, что в Западной Европе суд присяжных во второй половине XX века существенно сдал свои позиции, сохраняясь в его классическом виде лишь в Великобритании, а среди стран континентальной семьи права – лишь в России и Испании, где он был заново возрожден лишь в 1993 и 1995 годах соответственно.

Вернемся, однако, к вопросу о чисто юридическом значении суда присяжных, которое, будучи отражением описанных выше социальных и политических катаклизмов, всё же интересует нас, прежде всего, как точный правовой инструмент, помогающий обосновать возникновение в суде конкретных прав и обязанностей. Вкратце этот вопрос сводится к следующему: является ли суд присяжных «судом отчизны» (*jurata patriae*), как его именовали в Средние века, или он существует, пока государство видит в его существовании свой интерес (*raison d'état*)? Иначе говоря, суд присяжных – это естественное и неотъемлемое право граждан или исключительно прерогатива государства?

В Конституции США (Билль о правах) право граждан на суд присяжных не сопровождается никакими оговорками. Однако Конституция России не столь категорична. Обвиняемый в совершении преступления имеет здесь право на рассмотрение его дела судом присяжных, однако он может воспользоваться им не по любому делу, а только в случаях, специально предусмотренных федеральным законом (часть 2 статьи 47). Иными словами, конкретное наполнение этого права определяется путем принятия обычных (не конституционных) законов. Таковым является в настоящий момент Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в котором определен перечень дел, по которым обвиняемый может воспользоваться данной судебной формой. Всё это дела, подсудные судам субъектов Федерации, то есть второму уровню судебной системы России (более высокому, чем обычные районные суды). Этим судам подсудны, в частности, дела, в которых затрагиваются сведения, составляющие государственную тайну. Однако из этой юрисдикции были исключены дела о таких преступлениях, как террористический акт, захват заложников, организация и участие в незаконном вооруженном формировании, массовые беспорядки, государственная измена, шпионаж, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, вооруженный мятеж, диверсия и ряд других⁵.

Парадокс состоит в том, что правотворчество федерального законодателя имеет определенные рамки, будучи ограничено российской Конституцией, которая устанавливает (часть 2 статьи 17), что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения, то есть имеют неотъемлемый, естественно-правовой характер.

В этой связи требуют разрешения следующие вопросы. Во-первых, можно ли рассматривать право на суд присяжных именно как основное и неотчуждаемое, либо оно относится к числу так называемых *октроированных* (фр. *octroyer* – жаловать, даровать), то есть прав,

⁴ Edelman trust barometer. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2019-02/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf.

⁵ Федеральный закон от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» // Собрание законодательства РФ. 5 января 2009. № 1. Ст. 29 и др.

предоставляемых по свободному усмотрению государства? Во-вторых, каково конституционно-правовое содержание этого права и не может ли оно практически быть сведено к нулю посредством отраслевого правотворчества?

Первый вопрос можно назвать риторическим. В самом деле, право на суд присяжных провозглашено в главе 2 российской Конституции, которая непосредственно посвящена правам и свободам человека и гражданина, и, следовательно, вряд ли можно всерьез отрицать, что такое право следует считать конституционным и основным. Сомнения относительно того, является ли право на суд с участием присяжных заседателей естественным, данным человеку от рождения, либо октроированным, может возникнуть в связи с тем, что в Конституции говорится, что оно «предоставляется». Так, согласно части 2 статьи 20 Конституции «смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей». Однако понятие предоставленного права не тождественно понятию права октроированного. Последнее связано в позитивистских концепциях правового государства с происхождением конституции, когда вместо ее обычного принятия парламентом, учредительным собранием или на референдуме она даруется народу верховной государственной властью (монархом, президентом) либо метрополией, предоставляющей конституцию зависимой территории. Октроированные конституции, как правило, сохраняют за государственной властью более широкие права и существенно ограничивают компетенцию народного представительства, чем те из них, которые были приняты в обычном порядке. Таким образом, считается, что октроированное право предоставляется (даруется) по свободному усмотрению высшей государственной власти, и, следовательно, она может в любой момент забрать его обратно. Но подобное понимание встречает антагониста в лице теории юснатурализма, согласно канонам которого основные права признаются властью не по ее прихоти и соизволению, а в силу их естества, т. е. объективной необходимости. Это означает обязанность правового государства признавать и соблюдать права, соответствующие человеческой природе [2. С. 103].

Конституционным судом России не раз высказывалась правовая позиция, согласно которой ограничения основных прав и свобод могут быть правомерны, только если они являются *соразмерными и необходимыми* для защиты конституционно значимых ценностей и не затрагивают само существо конституционного права⁶.

Таким образом, на первый взгляд, имеет место некое противоречие: с одной стороны, право на суд присяжных, будучи основным, может быть ограничено законодателем лишь при условии соблюдения конституционно-правовых требований необходимости и соразмерности, а с другой, путем простого изменения предметной подсудности дел в уголовно-процессуальном законе. Значит ли это, что законодатель, варьируя подсудность дел суду с участием присяжных, не обязан следовать названным конституционно-правовым условиям и волен руководствоваться исключительно представлениями о целесообразности? Представляется, что такой вывод был бы неверным, ибо законодатель при необходимости изменения подсудности суда с участием присяжных обязан сверяться с конституцией, провозглашающей приоритет интересов личности перед узкими интересами государства и, таким образом, фактически отменяющей принцип *raison d'état*. Но для этого необходимо иметь отправные точки, или критерии, которые позволяли бы определять, каково должно быть неприкосновенное, естественное ядро этого конституционного права. В противном случае пришлось бы допустить, что, оставив в перечне видов преступлений, подведомственных суду с участием присяжных, к примеру, всего лишь одну статью уголовного закона, законодатель может считать,

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 года № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова».

что уже выполнил конституционно-правовой наказ, и основное право на суд с участием присяжных соблюдено.

Прежде всего, надо отметить, что существует традиционный сегмент, корни которого идут в глубину веков и который представляет естественную среду для права на суд присяжных. Это уголовные дела по обвинению в убийстве и других подобных ему преступлениях, связанных с лишением человека жизни. Исторически, под влиянием изначальных представлений о справедливости, нашедших свое выражение в принципе талиона («око за око»), такого рода деяния обычно было принято карать смертью. Однако принятие на себя столь ответственного решения, как причинение смерти виновному в преступлении всегда представлялось судьям делом слишком рискованным, чреватым опасными последствиями: мстостью родственников и близких осужденного, падения на власть подозрений в злоупотреблении смертной казнью в целях политики и фиска. Понятно, что моральную ответственность за осуждение к смерти всегда старались разделить между многими: начиная от древнего обычая лапидации (побития виновного камнями всей общиной) до более цивилизованного судилища, включающего депутатов от населения. В последнем случае такой суд символизировал, что виновный обрекается на смерть не просто судом, но как бы всем миром, из-за чего в Нормандии и Англии он именовался в Средние века *jurata patriae* – «судом отчизны».

Связь суда присяжных со смертной казнью можно объяснить и с чисто доктринальных (естественно-правовых) позиций. Так, согласно теории общественного договора, государство учреждается людьми для обслуживания их общих интересов. Предполагается, что оно участвует в таком договоре как *sui generis* равная с гражданами сторона. Поэтому устранение из договора одного из его субъектов (любого из граждан) означает прекращение его действия, т. е. разрыв связи граждан с государством, что делает последнее нелегитимным. Потому-то государство, в том числе его «коронные» судьи, и не вправе лишать жизни одного из своих контрагентов в общественном договоре. Однако это «табу» не распространяется на самих граждан, которые в исключительных случаях, когда преступление создает угрозу основам существования общества, в лице коллегии присяжных в принципе не могут быть лишены естественного права приговорить виновного к смерти. Но в таком случае и само право граждан быть судимыми судом присяжных можно рассматривать как право естественное, основное и неотчуждаемое.

Но современный мир существенно изменился. Право человека на жизнь признано большинством членов международного сообщества. Конституционный суд России своим Постановлением № 3-П от 2 февраля 1999 г. также запретил применять смертную казнь в условиях, когда суд присяжных недоступен обвиняемым в совершении преступлений хотя бы в одном из регионов России, ибо право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей является, согласно российской Конституции (часть 2 статьи 20), особой уголовно-процессуальной гарантией судебной защиты права каждого на жизнь⁷. В постановлении от 19 ноября 2009 года Конституционный суд торжественно провозгласил, что в современной России положения уголовного закона о назначении смертной казни более применяться не могут, даже по приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей⁸. Это решение окончательно и обжалованию не подлежит.

Но естественно-правовая ниша для суда с участием присяжных не исчерпывается делами, по которым может быть применена смертная казнь. Сущность суда с участием присяжных состоит не только и не столько в простом привлечении к осуществлению правосудия народных представителей. Суд присяжных – это своего рода страховой полис, который каждый из нас носит в кармане и который предохраняет нас от слишком крепких, а порою смертельных объятий государства – «Левиафана». Как говорится, «he who pays paper calls the tune». Не секрет, что профессиональные судьи в силу принадлежности к государственному аппарату всегда остаются ближе к государственному же обвинению, чем к защите, а потому профес-

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 8 февраля 1999 г. № 6. Ст. 867.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 30 ноября 2009 г. № 48. Ст. 5867.

сиональный судья всегда находится под подозрением в склонности к первоочередной защите именно *raison d'état*, то есть в известном смысле является «судьей в своем собственном деле». Напротив, жюри присяжных свободно от такого упрека, и условия для состязания сторон обеспечиваются здесь более полным и справедливым образом.

Так, если исходить из данных, опубликованных Судебным департаментом при Верховном суде Российской Федерации, в России в 2019 г. судом с участием присяжных было оправдано 23,6 % подсудимых, тогда как количество оправданных остальными судами составляло в целом 0,36 %⁹. Такое колоссальное расхождение (более чем в 65 раз) не может быть объяснено ни ошибками присяжных, ни особой прозорливостью профессионалов¹⁰.

Представляется, что оно продиктовано неодинаковым восприятием правосудия присяжными и профессиональными судьями. Последние фактически более склонны отождествлять свои задачи с задачами прокуратуры и предварительного расследования, а цель правосудия видеть в избавлении общества от преступности, в то время как присяжные рассматривают правосудие буквально, т. е. как способ справедливого и беспристрастного разрешения спора сторон.

Наибольшей остроты противоречие между личностью и государством достигает в уголовном судопроизводстве по делам по обвинениям в посягательстве непосредственно на государственные интересы и безопасность, в том числе в шпионаже, и нарушении государственной тайны и т. п. Не случайно в некоторых европейских странах (например, Австрии и Бельгии) использование суда присяжных в делах о преступлениях против государства (которые именуются там политическими), а в Бельгии и преступлениях прессы, гарантировано на конституционном уровне (ст. 91 Конституции Австрии; ст. 150 Конституции Бельгии). В Швеции жюри присяжных используется по делам о свободе печати (Акт о свободе печати 1949 г. с изменениями 1974 г.).

Такой подход становится все более признаваемым и в международном праве. Так, в докладе the Committee of the Council of Europe Parliamentary Assembly (PACE): «Вопросы справедливого судебного разбирательства в уголовных делах о шпионаже и разглашении государственной тайны» от 19 апреля 2007 года, по которому 23 апреля 2007 года была принята резолюция PACE, отмечалось, что атмосфера «шпиономании» является помехой для здорового развития гражданского общества, и вызывает озабоченность тот факт, что власти США, Германии, Швейцарии и Италии угрожали и пытались привлечь к ответственности редакторов, журналистов и других «изобличителей» за предполагаемое разглашение государственной тайны, в частности в контексте недавних сообщений о незаконных действиях ЦРУ. Исходя из этого, Комитет настоятельно призвал все страны-члены Совета Европы воздержаться от преследования ученых, журналистов и адвокатов, которые заняты общепринятой профессиональной деятельностью, и реабилитировать тех, кто уже подвергся наказанию (Резолюция 1507 (2006) и Рекомендация 1754 (2006)». Особенно важно подчеркнуть, что в докладе PACE неоднократно упоминается о необходимости применения по данной категории дел именно суда с участием присяжных как гарантии прав личности от злоупотреблений со стороны представителей государства.

Кроме того, Комиссия ООН по правам человека (UNCHR), учрежденная в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах (15 марта 2006 г. вместо Комиссии был учрежден Совет по правам человека ООН), в решении по делу Joseph Kavanagh v. Ireland, 4 апреля 2001 г., обвинявшегося в совершении ряда преступлений против государства (под которыми фактически понимались преступления террористического характера), указала, что государство, лишив подсудимого права на суд присяжных по такого рода обвинениям без использования разумных и объективных критериев и рассмотрев его дело в специальном уголовном суде, состоявшем из трех профессиональных судей, тем самым

⁹ Судом с участием присяжных осуждено в 2019 г. 783 чел., оправдано 242, прочими судами осуждено 620 056 чел., оправдано 2 256.

¹⁰ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/>

нарушило его право на равенство перед законом и равную защиту закона, гарантированное статьей 26 Пакта, которой установлено право каждого на равную защиту закона без всякой дискриминации по какому бы то ни было признаку¹¹. Иными словами, государство не вправе отменять или умалять право граждан на рассмотрение их дел судом с участием присяжных произвольно, то есть исходя лишь из своих представлений о целесообразности, в том числе обеспечивающей, по его мнению, эффективность борьбы с терроризмом и другими преступлениями против государства. Очевидно, что сама по себе такая целесообразность не рассматривалась Комиссией ООН по правам человека в качестве «разумного и объективного» правового критерия.

Если привести к общему знаменателю приведенные правовые позиции, то таким критерием в общем можно считать обвинения в совершении преступлений, не просто направленных против любых государственных интересов, но посягающих на наиболее раннимую и чувствительную их часть – суверенитет государства. В самой общей форме суверенитет можно определить как верховенство государства в собственных делах, независимость и самостоятельность во внешних и внутренних вопросах. Вместе с тем принято считать, что такие преступления, как шпионаж, разглашение государственной тайны и т. д. имеют своим родовым объектом не просто безопасность государства, а ее основы, то есть посягают на само существование государства. Но тот, чье существование поставлено «на кон», не может чувствовать себя и объективно быть абсолютно независимым и самостоятельным. Следовательно, именно при обвинении лица в совершении подобных деяний государство может оказаться слишком мотивированным для расправы с теми, кто посягнул на его основы, а значит, профессиональные государственные судьи находятся здесь в особой зоне риска с точки зрения конфликта интересов. В то же время разумный и объективный правовой критерий требует дать обвиняемым по названной категории дел дополнительную и лучшую гарантию независимости суда в виде жюри присяжных.

С учетом сказанного выше, можно полагать, что имеет место тенденция к формированию в современном международном праве общепризнанной нормы, рассматривающей именно суд с участием присяжных как наиболее адекватное и эффективное средство правовой защиты личности по делам о преступлениях, посягающих на суверенитет государства. Более того, принимая во внимание, что она содержится, в частности, в Резолюции 1507 (2006) и Рекомендации 1754 (2006) ПАСЕ, эту норму следует считать частью так называемого «мягкого» международного права.

Следует приветствовать недавно реализованные меры по расширению в России компетенции суда с участием присяжных. Благодаря Федеральному закону от 23 июня 2016 года № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» он с 1 июня 2018 года появился и в судах районного звена, хотя пока и лишь по весьма ограниченной категории дел.

В настоящее время суды с участием присяжных заседателей (в областных и районных судах согласно их родовой подсудности) могут рассматривать лишь уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 105 частью первой и 111 частью четвертой, 105 частью второй, 228.1 частью пятой, 229.1 частью четвертой, 277, 295, 317, 357 статьями 126 частью третьей, 209, 210 частью четвертой, 210.1, 211 частями первой– третьей, 212 частью первой, 227, 353–356, 358, 359 частями первой и второй, 360 УК РФ. Однако недавно Председатель Верховного суда РФ В. М. Лебедев, выступая с докладом о деятельности судов по итогам 2019 года, заявил: «Считаю возможным распространить эту процедуру на рассмотрение уголовных дел по всем категориям особо тяжких преступлений и предпринимательским преступлениям». Правда, при этом глава Верховного суда оговорился, что суд присяжных не

¹¹ University of Minnesota. Human Rights Library. URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/undocs/819-1998.html>.

сможет рассматривать дела, в материалах которых имеются сведения, относящиеся к государственной тайне¹².

Однако не секрет, что одной из основных проблем функционирования суда присяжных в России является крайне низкая явка кандидатов, проистекающая из нежелания слишком многих граждан принимать участие в отправлении правосудия. Сейчас для обеспечения явки в суд 30–40 кандидатов в присяжные заседатели работники аппарата суда направляют от 500 до 1500 приглашений, а явка по некоторым данным составляет в среднем лишь 2–3 % [3]. К тому же довольно часто в составе коллегии присяжных заседателей оказываются граждане, участие которых в отправлении правосудия запрещено законом, что в дальнейшем влечет отмену приговора, предварительная же проверка сведений о лицах, включаемых в списки кандидатов, как показывает практика, слишком длительна, трудоемка и малоэффективна [4].

Представляется, что выходом из этого положения мог бы стать *волонтерский* принцип формирования списка кандидатов в присяжных заседателей, возможно, на первое время запасного, численность которого сейчас может составлять до одной четвертой от числа кандидатов в присяжные заседатели, подлежащих включению в общий список (часть 4 статьи 4 Федерального закона от 20 августа 2004 года «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»). При этом регистрация таких добровольных кандидатов уже теперь могла бы производиться через единую электронную систему идентификации и аутентификации «Госуслуги», что существенно облегчило бы проверку их соответствия требованиям к присяжным заседателям. Правда, при этом пришлось бы отказаться от метода случайной выборки, предусмотренной тем же законом, которая, по идее, призвана обеспечить объективность присяжных. Однако закон предусматривает достаточные гарантии против их пристрастности. Так, наличие обстоятельств, препятствующих участию в качестве присяжных заседателей в рассмотрении уголовного дела, проверяется в начале судебного заседания председательствующим и сторонами, а тенденциозность коллегии присяжных может быть основанием к ее роспуску (статьи 328, 330 УПК РФ). Главное же состоит в том, что существующая практика, когда в суд являются лишь несколько процентов из огромного количества вызванных кандидатов, и так практически равнозначна волонтерскому принципу формирования коллегии присяжных. Так не лучше ли ее узаконить, сделав к тому же менее затратной и более технологичной? Кроме того, кто сказал, что равнодушие лучше активной гражданской позиции?

Впрочем, в условиях пандемии коронавируса, обрушившейся на мир в начале 2020 года и, возможно, способной давать новые волны в будущем, судьба традиционного суда присяжных по понятной причине оказывается под вопросом. Однако в будущем должна появиться электронная версия суда с участием присяжных, когда благодаря хорошо отработанным во время карантина методам дистанционных коммуникаций посредством Интернета можно не только обеспечить работу жюри, но и расширить ее количественный состав до гораздо больших размеров, приближая вердикт такой «электронной гелиэи», или «дикастерия», по убедительности к референдуму, а по статистической обоснованности – к социологическому исследованию [5, 6]. Очевидно, что функционирование коллегии присяжных в удаленном режиме должно сочетаться с волонтерским принципом формирования запасного списка. Разумеется, это мыслимо лишь при условии применения ряда эффективных контрольных процедур, обеспечивающих идентичность личности присяжных и минимизирующих опасность влияния на них других лиц, как то: предоставление кандидатам доступа в соответствующую компьютерную сеть через личный кабинет по индивидуальному логину и паролю, проверка подлинности кандидата в присяжные с помощью электронных систем распознавания личности, установление юридической ответственности за общение с посторонними во время вынесения вердикта и т. д. Действительно, если идея всеобщего электронного волеизъявления считается уместной в отношении голосования по поправкам к конституциям, в политических

¹² Лебедев предложил существенно расширить компетенцию суда присяжных. Право. URL: <https://pravo.ru/news/218420>.

выборах (глав правительств, президентов, парламентов), которые затрагивают интересы целых народов, то почему невозможно использование «электронной гелиэи» при разрешении дел отдельных индивидов, чьи судьбы достойны того, чтобы решать их не только ограниченным кругом случайно подобранных людей, а на основе всеобщего дискурса на рационально-демократических началах?

Расширение компетенции суда с участием присяжных могло бы иметь для нашей страны и чисто утилитарные, но далеко идущие благотворные последствия. Ведь сама потенциальная возможность попадания большинства дел в суд присяжных заставляла бы следствие и прокуратуру резко снизить количество поступающих в суды слабо подготовленных либо попросту инспирированных дел, улучшить качество предварительного расследования, а значит, в конце концов освободиться от попавших в органы полиции, следствия и прокуратуры случайных и коррумпированных элементов. Это, в свою очередь, неизбежно сказалось бы и на снижении общего уровня коррупции, ибо последняя может вольготно существовать лишь при условии системной вовлеченности в нее самих правоохранителей. Другими словами, «суд Отчизны» мог бы стать своего рода пусковым механизмом для запуска процесса по «принципу домино» – самоочищения государства и общества от произвола и коррупции, что еще раз подтверждает его объективную, естественно-правовую природу и необходимость.

Список литературы

1. **Mark Twain.** *Roughing It.* Paperback. Neeland Media LLC. 2010. 566 p.
2. **Нерсисянц В. С.** Философия права: учебник для вузов. М., 1997. 652 с.
3. **Васюткин Д. Ю.** Проблема обеспечения явки кандидатов в присяжные в суд // Новый юридический вестник. 2019. № 1 (8). С. 42–44.
4. **Тисен О. Н.** Формирование коллегии присяжных заседателей: теоретические и практические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2009. 41 с.
5. **Смирнов А. В.** Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001. 316 с.
6. **Смирнов А. В.** Типология уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 39 с.

References

1. **Mark Twain.** *Roughing It.* Paperback, Neeland Media LLC, 2010, 566 p.
2. **Nersesjanc V. S.** *Filosofija prava: Uchebnik dlja vuzov* [Philosophy of Law: A textbook for universities], Moscow, 1997, 652 p. (in Russ.)
3. **Vasjutkin D. Ju.** *Problema obespechenija javki kandidatov v prisjazhnye v sud* [The problem of ensuring the appearance of candidates for jurors in court] // *Novyj juridicheskij vestnik*, 2019. № 1 (8), p. 42–44.
4. **Tisen O. N.** *Formirovanie kollegii prisjazhnyh zasedatelej: teoreticheskie i prakticheskie problemy* [Formation of the jury: theoretical and practical problems]: Cand. Jurid. Diss. Orenburg, 2009, 41 p.
5. **Smirnov A. V.** *Sostjazatel'nyj process* [Adversarial process]. St. Petersburg, Alfa, 2001, 316 p.
6. **Smirnov A. V.** *Tipologija ugovnogo sudoproizvodstva*: [Typology of criminal justice], Dr. Jurid. Diss. Abstract. Moscow, 2001, 39 p.

Материал поступил в редколлегию
Received
09.04.2021

Сведения об авторе / Information about the Author

Смирнов Александр Витальевич, доктор юридических наук, действительный государственный советник юстиции РФ III класса, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», Заслуженный юрист Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Alexander V. Smirnov, Doctor of Law, Full State Adviser of Justice of the Russian Federation, Class III, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation)

excelsiorsm@mail.ru